

Эпилоги и послесловия в автобиографиях русского постсимволизма

С. С. Росовецкий

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Институт филологии
Corresponding author. E-mail: Rosovss@hotmail.com

Paper received 26.10.18; Accepted for publication 30.10.18.

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2018-183VI54-12>

Аннотация. В статье подвергаются компаративному анализу особенности эпилогов и послесловий прозаических автобиографий русского постсимволизма. В результате обнаруживается, что все они обладают структурным и функциональным сходством вне зависимости от литературного течения. Вне зависимости от объёма произведения, русская постсимволистская автобиография тяготеет к скрытому эпилогу и внутритекстовому скрытому послесловию, при этом в корреляции с хронологической отдалённостью первой публикации от времени завершения текста.

Ключевые слова: структура, автобиография, постсимволизм, эпилог, послесловие.

Введение. В отличие от последних поворотов сюжета, структурные элементы, завершающие литературное произведение, часто остаются без должного внимания как читателя, так и исследователя, рассматривающего их, зачастую, только в контексте макроструктуры текста. Пойти дальше, сравнить особенности поэтики окончания у разных авторов, преодолевавших разными путями одну эстетику,—задача предлагаемого исследования.

Краткий обзор публикаций по теме. Публикаций, посвященных исключительно эпилогу или типологии эпилогов, сравнению их в разных текстах, никогда не было слишком много, но даже в этом году успела выйти статья Т. П. Баталовой, посвященная исключительно эпилогу романа «Подросток» Ф. М. Достоевского. В ней она предлагает считать тринадцатую главу, представляющую собой письмо-рецензию на внутритекстовые «Записки», эпилогом, однако при этом замечает: «В этой рецензии раскрываются типические черты героев и эпохи, переосмысливаются ситуации и мотивы основной части произведения» [2, с. 140]. А это описание, как мы позже убедимся, характеризует скорее внутритекстовое послесловие, чем эпилог. Публикаций же, связанных с литературным эпилогом и послесловием как элементами структуры, довольно много. Из последних — статья моей соотечественницы В. Б. Мусий «Рецептивный потенциал паратекстуальности», сконцентрированная на интертекстуальном потенциале структурных элементов [13], и статья Е. А. Басовой о прологе и эпилоге как структурно-семантических элементах, раскрывающая на самом деле реализацию традиционной для И. С. Тургенева структуры «рассказ в рассказе» [1]. Из англоязычных публикаций это, в первую очередь, статья М. Паскалиса «Эволюция авторского самосознания в ренессансной литературе Крита» (пер. автора) из книги «Культура и общество на Крите: От Корнара до Казанцакиса» [15], где произведение М. Т. Бауниалис «Критская война» рассматривается как образчик высшего уровня самосознания автора критского ренессанса, раскрывающегося, в первую очередь, в прологе и эпилоге.

Цель исследования — получить ответ на вопрос: какие финитарные элементы обнаруживаются в выбранных произведениях постсимволизма, и каковы их свойства? Есть ли на уровне этих завершающих элементов текста переключки между разными литературными течениями одного поколения и в произведениях одного жанра? Если да, то в чём её специфика?

Материалы и методы. Материалом выступили «Его-Моя Биография Великого Футуриста» Василия Каменского, «Я Сам» Владимира Маяковского, «Шум времени» Осипа Мандельштама, «Роман без вранья» Анато-

лия Мариенгофа, малые автобиографии футуристов, включая «Curriculum vitae младчайшего из футуристов Семена Кирсанова», «Биографию моего стиха» Сергея Третьякова и «Автобиографию дичайшего» Александра Крученых, «Египетская Марка» Осипа Мандельштама и «Полутораглазый стрелец» Бенедикта Лившица. Приведены в хронологическом порядке. Использован метод компаративного анализа.

Результаты и их обсуждение. Эпилог и послесловие находятся точно в таких же отношениях, как и вступление, пролог и предисловие. Эпилог возможен исключительно в художественном произведении, а послесловие является рамочным элементом и присуще, в первую очередь, научному тексту. Эпилог определяется как «заклучительная часть, присоединенная к художественному произведению в качестве художественного дополнения и представляющая собою более или менее самостоятельное целое» [7]. Это определение нами было принято в качестве рабочего. Эпилог часто остаётся необозначенным и воспринимается неподготовленным читателем в качестве последней главы, описывающей происходящее с миром произведения через какое-то время после завершения основных событий.

Послесловие находится вне самого текста, вне художественного мира, пусть и сообщает дополнительные сведения о нём или авторе ментифакта — книги. Послесловие часто составляется не автором текста, оно может принадлежать как литературному тексту, так и научному, может даже обладать формой завершённого литературного произведения. Таков комментарий А. С. Пушкина к «Евгению Онегину», «В мои осенние досуги» [14, с. 397], что также является стихом и ответом на предложение П. А. Плетнёва дописать текст, где А. С. Пушкин объясняет глупость жалоб на «незавершённость» текста. Послесловие свойственно как художественному, так и научному тексту, а эпилог — лишь художественному. Потому что послесловие является исключительно внетекстовым явлением, объясняющим его извне, а эпилог существует на границе текста, являясь прощанием с персонажами и миром произведения.

Рабочая гипотеза относительно эпилогов и послесловий в автобиографиях была такова: в первых публикациях, а именно их версии текстов было решено изучать, будут замаскированные эпилоги, у всех авторов. Продиктовано это тем, что создание автобиографии — подведение черты под результатами жизни, подведение итогов, и на границе между прошлым и настоящим автора, продолжающим свою жизнь и творчество, должна быть недосказанность, требующая заполнения. Промежуток между завершением текста и сдачей его в

набор усиливает эту недосказанность, а значит везде, где не будет найдено эпилога, обнаружится послесловие. Автобиография как жанр не предполагает возможности описать события, случившиеся с главными действующими лицами спустя некоторое время после завершения основного сюжета, чем обычно и занят эпилог, а значит будут найдены планы авторов на будущее, их надежды и стремления на момент написания основного текста. Если же автобиография издаётся спустя годы после написания, ожидается дополнение основного текста новыми главами или послесловием, но никак не отсутствии обоих. А как же на самом деле?

Эпилог «Его-Моей Биографии...» В. В. Каменского относится к скрытым, он маскируется под обычные главы. Его границы можно считать как главку «Аминь», в которых автор в скобках обращается к богу с молитвой о благоденствии: «Если Господь пошлет еще горсть Жизни Ему и мне – биография развернется без берегов. Все – от Счастья, – от Любви, – от Друзей. Досвиданья. Я тороплюсь» [3]. Так и все последние главы, начиная с главы «Дальше», обладающей последним маркером времени с датой: «Сейчас – вижу по солнцу – около семи. Воскресенье. Июль – 2-е, 1917. Каменка» [3].

Каждая из глав, начиная с этой, не имеет направленности в прошлое, только в настоящее и будущее. От грамматических форм прошедшего времени автор не отказывается, но начинает абзацы с утверждающих настоящее: «Я сижу..., кипячу чайник..., ныне я..., я пою..., я снимаю вскипевший чайник..., Я наливаю медленно чаю, кладу земляники, успокаиваю Поэта: ехать на Кавказ еще нельзя» [3]. Больше никакого прошлого, оно кончилось, и хватит о нём говорить и читать. Начиная же с последней даты в рамочном элементе, а именно названии главы, «(28-го октября)», В. В. Каменский вообще говорит исключительно о будущем. Если же обратиться к предположению о концентрическом расположении глав, то даже традиция отдалённости эпилога от главных событий останется ненарушенной.

В эпилоге В. В. Каменский описывает себя таким, каким он есть на момент написания каждой отдельной строчки и устремляется надеждами в будущее. Черта подведена ранее, но последняя точка – перечисление вышедших единоличных книг автора по годам. Некоторые исследователи считают это рамочным элементом и рекламой, не относящейся к тексту, но в первом издании оно никак не отличается по оформлению от глав, а потому стоит рассмотрения в качестве авторского элемента житнетворческого ментифакта, коим и является «Его-Моя биография».

Роль эпилога в автобиографии В. В. Каменского – завершить формирование образа автора в сознании читателя и вдохнуть в него жизнь через формы настоящего времени и молитву. В главах эпилога обе ипостаси автора есть и будут, а в прошлое автор воображаемым взглядом уже не возвращается. Послесловия нет, но в эпилогизированных главах автор раздаёт обещания о будущих книгах и делится планами на будущее, чего можно было бы ожидать от послесловия.

Автобиография В. В. Маяковского обладает интересной и даже немного дублирующей себя структурой завершения, состоящей из главы-эпилога, заключения и новых глав, тоже выполняющих функцию эпилога.

В финальной версии текста, относящейся к первому

тому Полного собрания сочинений, 1928 года, эпилог у В. В. Маяковского в «Я Сам» представлен дописанными в апреле 1927 года главами с 1923 г. по 1928 г. При этом глава «1927-й год» начинается в настоящем действительном времени, а заканчивается словами о том, что еще успел в этот год автор. В то время как «1928-й» уже направлена исключительно в настоящее и, даже больше, будущее, подбивая итог под всей автобиографией. В ней нет ни слова о том, что сделал автор, но только о его планах, как это было и у В. В. Каменского: «Это требует, чтобы об нем написать. И напишу» [12]. Особо интересным представляется то, что главу автобиографии он писал не о прошлом, а о будущем, как было и в 1922 относительно конца того года, но в этот раз погрузившись в будущее намного дальше.

Но было и заключение в первом, берлинском, издании текста, в «Новой русской книге», в разделе «Писатели – о себе»: «Сказанным не думал исчерпаться. Кроме всего изложенного, люблю, напр., астрономию. "Розовый фонарь" закрыли после чтения мной "Через час отсюда". Бродячую тоже чуть не за "Вам, проживающим". Но на это надо уже романы писать. А я поэт. И это – так наз. автобиография. Все» [11].

В этом же издании последние главы написаны в настоящем времени, вот отличия последней главы, о 1922 годе, в главе «22 год»: вместо "Организирую издательство МАФ" – "Организовываю" [4]. После раскрытия литературных планов "Будет показано искусство через 500 лет" существует продолжение: "Задумано: О любви. Громадная поэма. В будущем году кончу. На очереди 2 пьесы: а то их – мало и дрянью" [12].

Таким образом, текст «Я Сам» В. В. Маяковского обладает как эпилогом, так и послесловием (что зависит от версии текста). Старший вариант обладает обоими, в качестве эпилога выступает последняя глава, послесловие же вынесено в рубрику журнала «Писатели – о себе», а младший – лишь эпилогизированной главой «1928-й год».

«Шум времени» О. Э. Мандельштама обладает схожей с «Я Сам» особенностью – текст дописывался. Основной его массив, как уже было сказано ранее, был завершён в 1923 году, и лишь спустя год, в конце 1924, были написаны главы о Феодосии, кардинально отличающиеся как материалом, так и общим тоном.

Последняя глава 1923 года, «В не по чину барственной шубе» имеет своеобразную эпилогичность – сообщает, что стало с персонажами, чьё время ушло. Например, с учителем О. Э. Мандельштама, В. В. Гиппеусом, который представляется автору спящим медведем литературы, но тогда еще живого. Или с К. Н. Леонтьевым, умершим уже более 30 лет назад, поминаемым для подытоживания всего 19 века: «Ему бы крикнуть: «Эх, хорошо, славный у нас век!» – вроде как: «Сухой выдался денек!» Да не тут-то было!» [9]. Или даже с Ф. И. Тютчевым, почившим к моменту завершения текста уже полвека назад, глашатаем которого в литературных салонах виделся О. Э. Мандельштаму упомянутый В. В. Гиппеус. Он подводит черту под всем веком XIX, осмысляет его, прощается – казалось бы, спорить с эпилогичностью неуместно.

Однако проблема в том, что весь текст написан в этой тональности. Начиная с первой строки и до последней точки, автор намеренно разделяет во времени описываемые события и момент написания текста, не вспоминает, а поминает людей, места и события, объясняя их

роль и ценность. Можно ли сказать, что тогда «Шум времени» – эпилог и авторское послесловие к поэтическому наследию Мандельштама? Если бы он скончался в конце 1923 года, так бы могло случиться.

Совсем иначе дела обстоят с «Египетской маркой». В первую очередь, текст монолитен, не разбит выбором материала и персонажами, а паче временем. Во вторую – он обладает основной сюжетной линией и даже главным героем – Парноком, объединяющим все главы историей о трагической утрате визитки.

Вместе с тем, всё еще достаточно сильна автобиографичность, и связь О. Э. Мандельштама и Парнока достаточно очевидна для того, чтобы автор иногда говорил от своего имени, а в VIII главе даже позволил себе написать о наслаждении перейти от третьего лица к первому. «Египетская марка» полна мотивами прощания и увядания, смерти и inferнальности, но эпилогом к творчеству её назвать уже невозможно.

Что же с рамочными элементами? Последняя глава, седьмая, действительно раскрывает тайну произошедшего с героями потом. Как собирается Парнок изменить свою суть ненужной и лишней вещи, жениться и перестать целовать женщинам руки, как собирается объясниться с бывшим ротмистром Кржижановским. Как отправился бывший ротмистр Кржижановский в компании лучших рубашек Парнока и его визитки в путешествие. И самое главное – рассказ автора о том, что и Парнок, и визитка были лишь сном, что развеивается, стоит О. Э. Мандельштаму об этом сказать. Всё канонично: случаем отдалено от основных событий, происходит с основными персонажами, и вся глава является способом попрощаться с ними навсегда. Определённо, «Египетская Марка» обладает скрытым эпилогом.

«Роман без вранья» А. Б. Мариенгофа не отличается явным эпилогом или послесловием. Эпилог скрыт в последних главах, а именно в 65-ой–68-ой. Выбор пал на них, потому что глава 64-я является последним хронологически воспоминанием о живом С. А. Есенине, которым пожелал поделиться А. Б. Мариенгоф. После неё идёт глава, преследующая цель ввести читателя в состояние остраннения, говорит о чём угодно, но не о С. А. Есенине. В главе 66-й мы читаем, как женщина в тюремной приёмной узнала, что её муж умер, а часовой, увидав её слёзы, попросил уйти огорчаться за ворота. Снова остраннение, *crescendo*. Сначала слова о нищем вымогателе, потом о чудовищно-невероятных надсмотрщиках, а потом в 67-ой: «31 декабря 1925 года на Ваганьковском кладбище, в Москве, вырос маленький есенинский холмик» [10]. Читатель должен задохнуться от столь противоестественной обыденности слов, несущих такую весть. Пора прощаться, и А. Б. Мариенгоф завершает книгу светлым и очень визуальным воспоминанием: «Мне вспомнилось другое 31 декабря» [10]. В Политехническом музее проходит «Встреча нового года с имажинистами». А. Б. Мариенгоф с С. А. Есениным молоды, веселы, и дразнят вечернюю Тверскую блестящими цилиндрами. С. А. Есенин спрашивает извозчика, каких тот знает поэтов. Он говорит: «Пушкина». С. Есенин не унимается, он хочет услышать имена живых поэтов. Извозчик: «Из живых нема, барин. Мы живых не знаем. Мы только чугунных» [10]. Эмоциональные «американские горки» читателем пройдены. С. С. Есениным попрощались, а многие и с А. Б. Мариенгофом тоже – по причинам, описанным выше.

В книге «Есенин», содержащей непосредственную хронику происходившего, авторства Л. В. Поликовской, также даётся отсылка на празднование нового года с имажинистами – речь идёт о конце 1920 года, когда имажинизм находится на своём пике, а поэты еще не рассорились, молоды и счастливы.

Герой и персонаж погиб, а значит его будущее, как и у мира, спасённого О. Э. Мандельштамом в «Шуме времени», в прошлом. И это прошлое нам показывают. Эпилог в «Романе без вранья» скрытый, состоит из нескольких главок и выполняет традиционные функции.

Малые автобиографии, собранные в книге «Пятнадцать лет русского футуризма», не должны бы обладать массивными эпилогами, а особенно послесловиями, а как на самом деле?

Автобиография С. И. Кирсанова завершается не планами на будущее, как мы ожидали, а ссылкой на другой свой ментифакт: «В январе 1926 года я уехал в Москву. Живу и радуюсь, что живу. Подробности в стихотворной автобиографии («Опыты»)» [5]. Как уже было сказано ранее, в статье эта книга не рассматривается в связи с непрозаической природой, а именно формы сборника стихотворений. Возвращаясь к сопоставительному анализу эпилогов, отметим, что эта автобиография занимает своё место рядом с текстами В. В. Каменского и В. В. Маяковского, ведь она ссылается на другие тексты автора и раскрывает его планы: вышел его сборник «Опыты» только в 1927 году, а написана автобиография была еще в 1926.

«Автобиография дичайшего» А. Е. Крученых обрывает свой текст на моменте задолго до написания автобиографии, а именно в августе 1921 года, когда с возвращением в Москву «взбурлила» вновь его литературная работа. Тогда же случилось и «рукоположение» В. В. Маяковским, и началась его новая жизнь: «В этом же сезоне на устроенной Маяковским «чистке поэтов и поэтессы» я оказался единственным прошедшим чистку, как Маяковского, так и переполненного до отказа зала Политехнического Музея. Читал я свою «Зиму» («Мизиз зыньицив»)» [5]. Это можно было бы считать кульминацией автобиографии, не прекратись всё её действие на описанном событии – после него следует тишина.

Как и в предыдущих случаях, последняя строка автобиографии отводится ссылке на прочее творчество автора, но в данном случае – ссылке без референции на всё творчество после 1921 года: «А что кипело и как вскипело – смотри в книгах с 21 года по настоящий, и далее...» [5]. После неё же идёт шутивная библиография, не то пародирующая В. Каменского, не то подшучивающая над всей серьёзностью планируемого издания.

Последняя глава «Полутораглазого стрелца» сосредоточена на проводах на фронт, и лишь последние два абзаца заполнены не фактами, а размышлениями: «Запад, Запад!.. Таким ли еще совсем недавно рисовалось мне наступление скифа?» [6]. О том, куда двигаться «атавистическим азийским пластам», «диловниальным» ритмам, если цель оказалась для Б. К. Лившица маревом, а Запад виделся ему расколотым надвое. Полутораглазый стрелец Б. К. Лившица осознал бессмысленность своей цели, но продолжал мчаться вперед, пытаясь найти другую.

В отличие от прочих автобиографий, тут нет ссылок на будущие произведения, библиографий или планов – как и заявлял автор в самом начале текста, футуризм для

него умер, но в последней главе не запечатлён последний его миг, чего следовало бы ожидать. Может дело в том, что, отправившись на фронт, Б. К. Лившиц получил тяжелое ранение, лишившее его слуха на одно ухо, о чем он не хотел вспоминать на страницах книги. А может в том, что футуризм к тому моменту для него изменился, его цель поменялась, и гилейский воин встал под боевые знамена.

Выводы. Все автобиографии снабжены скрытыми эпилогами. В объёмных текстах эпилог обычно распространяется на несколько последних главок. Исключение составляет «Шум времени» О. Э. Мандельштама, что находится в гармонии с общей «эпилогичной» тональностью всего текста, пытающегося спасти прошлое в виде альбома фотографий. Все крупные автобиографии, даже принадлежа к разным литературным течениям постсимволизма, обладают подобной структурой завершающих элементов, почти всегда – замаскированным

под главу эпилогом. В малых автобиографиях эпилога нет только в «Биографии моего стиха» С. М. Третьякова, подведение итогов редуцировано до: «Вот те рельсы, по которым идет работа последних лет». В остальном же они следуют примеру «больших» автобиографий.

Гипотеза была подтверждена всеми текстами, кроме «Биографии моего стиха» С. М. Третьякова, там не найдено ни эпилога, ни послесловия, так как всё, чем могли бы они быть заполнены, высказано в основном массиве произведения.

Попутно были обнаружены следующие закономерности: чем сильнее автобиографическое начало, тем больше связей с другими текстами автора лежит на поверхности, почти всегда – вплоть до цитации. Чем больше отдалены последние события автобиографии от момента публикации, тем меньше автор делится планами на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басова Е. А. Пролог и эпилог как структурно-семантические элементы в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» // Вестник Череповецкого государственного университета, 2012, IV(44), С. 49-52.
2. Баталова Т.П. Поэтика эпилога романа Достоевского "Подросток" // Проблемы исторической поэтики, 2018. I(16), С.140-154.
3. Каменский, В. В. Его – моя биография Великого футуриста. М.: Китоврас, 1918. – 233 с.
4. Катаян В. А. Примечания // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955-1961. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / Подгот. текста и примеч. В. А. Катаяна. 1955. С. 417-455.
5. Крученых, А. Е. 15 лет русского футуризма. М.: Издание Всероссийского Союза поэтов, 1928. – 118 с.
6. Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Ленинград: Изд. писателей в Ленинграде (Тип. Печатный двор), 1933. – 300 с.
7. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель. Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. 1925.
8. Мандельштам О. Э. Египетская марка // Шум времени / под ред. А. Битова. – М.: Прозаик, 2016. С. 101-136.
9. Мандельштам О. Э. Шум времени // Шум времени / под ред. А. Битова. – М.: Прозаик, 2016. С. 20-84.
10. Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. – М.: Азбука-классика, 2010. – 224 с.
11. Маяковский В. В. // Новая русская книга, № 2 за 1922 г., Берлин.
12. Маяковский В. В. Я Сам // Я Сам. – Санкт-Петербург: Лениздат, Команда А, 2014. – С. 5-28.
13. Мусий В. Б. Рецептивный потенциал паратекстуальности // Читач. Рецепція. Інтерпретація: матеріали наук. круглого столу / ОНУ ім. І. І. Мечникова, Філол. ф-т, Каф. теорії літератури та компаративістики; за ред. Н. М. Шляхової, 2017. С. 56-63.
14. Пушкин А. С. "В мои осенние досуги..." // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. – 1948. – С. 397-398.
15. Paschalis M. The evolution of authorial self-consciousness in Cretan renaissance literature. // Liana Giannakopoulou, E. Kostas Skordyles, Culture and Society in Crete: From Komaros to Kartzantzikis. Cambridge Scholars Publishing, 11 jul 2018. – p. 323, pp. 67-73.

REFERENCES

1. Basova, E. A. Prologue and Epilogue as Structural-Semantic Elements in I. Turgenev's Story "First Love" // Herald of Cherepovets State University, 2012, IV (44), P. 49-52.
2. Batalov, T.P. Poetics of the epilogue of Dostoevsky's novel "The Teenager" // Problems of Historical Poetics, 2018. I(16), C.140-154.
3. Kamensky, V.V. Him - my biography of the Great Futurist. M. : Kitovras, 1918. - 233 p.
4. Katanyan V.A. Notes. // Mayakovsky V.V. Complete Works: 13 t. / USSR Academy of Sciences. Institute of World Literature them. A. M. Gorky. M. : State. publishing house art lit., 1955-1961. T. 1. Poems, tragedy, poems and articles of 1912-1917 / Prep. text and notes. V.A. Katanyan. 1955. p. 417-455.
5. Kruchenykh, A. Ye. 15 years of Russian futurism. M. : Publication of the All-Russian Union of Poets, 1928. - 118 p.
6. Livshits B. K. Half-eyed archer. Leningrad: Ed. Writers in Leningrad (Typ. Printing House), 1933. - 300 p.
7. Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms: In 2 tons. M. ; L. : Publishing House of L. D. Frenkel. Ed. N. Brodsky, A. Lavretsky, E. Lunin, V. Lvov-Rogachevsky, M. Rozanov, V. Cheshikhin-Vetrinsky. 1925.
8. Mandelstam O. E. The Egyptian mark // Noise of time / ed. A. Bitova. - M.: Prozaik, 2016. P. 101-136.
9. Mandelstam O. E. The Noise of Time // The Noise of Time / ed. A. Bitova. - M.: Prozaik, 2016. P. 20-84.
10. Mariengof A. B. Roman without lies. - M. : Azbuka-classic, 2010. - 224 p.
11. Mayakovsky V.V. // New Russian Book, No. 2, 1922, Berlin.
12. Mayakovsky V. V. I myself // I myself. - St. Petersburg: Lenizdat, Team A, 2014. - p. 5-28.
13. Musiy V. B. Receptive potential of paratextuality // Chitach. Reception. Interpretation: materials of the science. round table / ONU im. I. I. Mechnikov, Filol. ft, Kaf. theory of literature and comparative studies; for ed. N. M. Shlyakhovoi, 2017. C. 56-63.
14. Pushkin A.S. "In my autumn leisure ..." // Pushkin A.S. Complete Works: 16 t. - M. ; L. : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937-1959. T. 3, Vol. 1. Poems, 1826–1836. Fairy tales. - 1948. - p. 397-398.

Epilogues and afterwords in autobiographies of Russian post symbolism

S. S. Rosovetskyi

Abstract. The article examines epilogues and afterwords of the prosaic autobiographies of Russian post-symbolism, and the comparative analysis is the method. All of the autobiographies are proved to have structural and functional similarity, regardless of the literary trend. Despite the volume of the text, the Russian postsymbolistic autobiography tends to a hidden epilogue and an in-text hidden afterword, which content and prophetic filling correlates with the chronological distance between the first publication and the time when the text was completed.

Keywords: structure, autobiography, post symbolism, epilogue, afterword.